

А. Шопенгауэр

**О четвероютом корне... Мир как воля и
представление**

Том1. Критика кантовской философии

УДК 101
ББК 87
Ш79

Ш79 **Шопенгауэр А.**
О четверояком корне... Мир как воля и представление: Том1. Критика кантовской философии / А. Шопенгауэр – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 674 с.

ISBN 978-5-458-41004-5

Памятники философской мысли.
Серия основана в 1978 г.
A. Schopenhauer

ISBN 978-5-458-41004-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. ШОПЕНГАУЭР

О четвероном корне...

Мир как воля
и представление. Т. I

Критика
кантовской философии

О ЧЕТВЕРОЯКОМ КОРНЕ ЗАКОНА ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ

Философское исследование

Ναὶ μὰ τὸν ἄ μετέρα ψυχὰ παραδόντα τετρακτὺν,
λαγὰν ἀεναίου φύσεως, ῥίζωμά τ' ἔχουσαν¹

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Это исследование о началах философии, которое возникло в 1813 г. и за которое я получил степень доктора, впоследствии стало основой всей моей системы. Поэтому оно не должно отсутствовать на книжном рынке, как это без моего ведома продолжалось в течение четырех лет.

Однако вновь послать в мир эту юношескую работу со всеми ее погрешностями и ошибками показалось мне безответственным. Ибо я полагаю, что время, когда я уже ничего не смогу исправить, не может быть очень далско; между тем только тогда настанет период моего действительного влияния, которое, как я уповаю, веря в завет Сенски, будет долгим: *etiam si omnibus tecum viventibus silentium livor indixerit; venient qui sine offensa, sine gratia judicent* (ep. 79) ². Поэтому я, насколько это было возможно, внес исправления в предлагаемую юношескую работу и полагаю, что при краткости и непрочности жизни должен считать особым счастьем, что мне дано на шестидесятом году исправить то, что я написал на двадцать шестом.

При этом, однако, в мое намерение входило быть снисходительным к молодому человеку и, насколько возможно, предоставлять ему слово и позволять высказываться. Но когда он высказывал что-либо неверное или излишнее или упускал лучшее, мне все-таки приходилось останавливать его; и это случалось довольно часто; поэтому кое у кого может сложиться впечатление, будто старик читает вслух книгу молодому человеку, но нередко, откладывая ее, предается собственным мыслям на эту тему.

Совершенно ясно, что произведение, исправленное таким образом через столь долгое время, не может обладать тем единством и той завершенностью, которые свойственны лишь работам, написанным единым духом. Уже в стиле и манере изложения будет ощущаться столь явное различие, что чуткий читатель никогда не усомнится, слышит ли он старца или юношу. Конечно, мягкий, скромный тон

молодого человека, который доверчиво излагает свои мысли и еще достаточно наивен, чтобы со всей серьезностью полагать, будто всем, занимающимся философией, дорога только истина и они поэтому благосклонно встретят того, кто способствует ее обнаружению,— этот тон сильно отличается от твердого, подчас несколько резкого голоса старика, который должен был в конце концов понять, в какое благородное общество ремесленников и раболепных подхалимов он попал и чего они, собственно, домогаются. И если теперь он иногда не может сдержать негодования, то справедливый читатель не посетует за это на него, ведь результат показал, что получается, если на устах истина, а взоры обращены только на то, чего желает высшее начальство, и если при этом *e quovis ligno fit Mercurius*³ распространяют и на великих философов и, не задумываясь, относят к ним и такого грубого шарлатана, как Гегель. Ведь немецкая философия, вызывающая презрение, осмеянная в других странах, изгнанная из среды подлинных наук, уподобилась публичной женщине, которая за жалкую плату отдает предпочтение сегодня одному, завтра другому; в умы нынешнего поколения ученых внесена дезорганизация гегелевской бессмыслицей; неспособные мыслить, грубые и оглушенные, они становятся добычей плоского материализма, вылупившегося из яйца василиска. В добрый час! Я возвращаюсь к моему предмету.

С неровностью тона придется, следовательно, примириться; я не мог здесь, как это было сделано в моем основном труде, выделить более поздние дополнения в отдельную книгу; ведь, собственно, дело не в том, чтобы читатель знал, что именно я написал на двадцать шестом и что на шестидесятом году жизни; важно только, чтобы те, кто хочет ориентироваться в основных понятиях философствования, твердо усвоить и ясно понять их, нашли бы в этих немногих листах книжицу, в которой они смогут почерпнуть нечто дельное, основательное и истинное: и на это я надеюсь. После обработки, которую получили теперь некоторые разделы этой книги, в ней сложилась в сокращенном виде теория всей познавательной способности, которая, следуя все время только закону основания, рассматривает предмет каждый раз с новой, особой стороны; свое дополнение эта теория находит в первой книге «Мира как воли и представления», а также в относящихся к ней главах второго тома этой работы и в «Критике кантовской философии».

Франкфурт-на-М. Сентябрь 1847

Первая глава

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Метод

Божественный Платон и изумительный Кант соединяют свои убедительные голоса, советуя при выборе метода философствования, даже всякого знания вообще *, руководствоваться таким правилом: надо, говорят они, следовать в одинаковой степени двум законам — закону *однородности* и закону *спецификации*, но не одному из них в ущерб другому. Закон *однородности* требует, чтобы, выявляя сходство вещей и их соответствие друг другу, мы постигали виды, объединяли их в группы, а группы в роды, пока в конце концов не дойдем до высшего всеобъемлющего понятия. Так как этот закон трансцендентален, сущностен для нашего разума, он предполагает соответствие ему природы, и это предположение выражено в старом правиле: *entia praeter necessitatem non esse multiplicanda*. Напротив, закон *спецификации* Кант выражает так: *entium varietates non temere esse minuendas* ⁴. Это значит, что мы должны строго различать группы, объединенные многообъемлющим родовым понятием, а также объединенные им высшие и низшие виды, остерегаясь совершить какой-либо скачок и подводить низшие виды, или даже особи, непосредственно под понятие рода, ибо каждое понятие может быть еще разделено на более низкие и ни одно из них не сводится к простому созерцанию. Кант учит, что оба закона — трансцендентальные основоположения разума, а *prigig* постулирующие соответствие им вещей, а Платон высказывает, по-видимому, то же на свой манер, говоря, что эти правила, которым вся наука обязана своим возникновением, совлечены вместе с огнем Прометея с престола богов.

§ 2. Применение этого метода в данном случае

Я нахожу, что, несмотря на столь авторитетную рекомендацию, второй из этих законов слишком редко применяется к главному основоположению всего познания, к *закону достаточного основания*. Хотя этот закон с давних пор часто излагали в общих чертах, его в высшей степени различные применения, в каждом из которых он получает иное значение и которые поэтому свидетельствуют о его происхождении из различных познавательных способностей, не были должным образом разграничены. А в том, что именно при рассмотрении наших духовных способностей применение принципа однородности и пренебрежение к противоположному ему породило

---

* Platon. *Phileb*, p. 212—223; *Politic*, p. 62, 63; *Phaedr*, p. 361—363. Ed. Bip.; Кант. Критика чистого раз[ума]. Приложение к транс[цендентальной] диалектике.

многие и долго длившиеся заблуждения и что, наоборот, применение закона спецификации способствовало достижению больших и важных успехов, убеждает нас сравнение философии Канта со всеми предшествовавшими ей. Поэтому да будет мне дозволено привести цитату, в которой Кант рекомендует применять закон спецификации к источникам наших познаний, ибо эти слова отдают должное моим устремлениям. «Чрезвычайно важно,— говорит он,— *обособлять друг от друга знания, различающиеся между собой по роду и происхождению, и тщательно следить за тем, чтобы они не смешивались со знаниями, которые обычно связаны с ними в применении. То, что делает химик, разлагая вещество, что делает математик в своем учении о величинах, в еще большей мере должен делать философ, чтобы иметь возможность точно определить долю, ценность и влияние особых видов знания в разнообразном применении рассудка*» (Критика чистого разума. [Трансцендентальное] учение о методе, гл. 3) ⁵.

§ 3. Польза такого исследования

Если бы мне удалось показать, что сделанный предметом такого исследования закон вытекает не непосредственно из *одного*, а из *различных* основных понятий нашего духа, то из этого последует, что необходимость, которой он обладает в качестве а priori установленного закона, также не везде *одна и та же*, а столь же различна, как источники самого закона. Но тогда каждый, кто обосновывает этим законом какое-либо заключение, будет обязан определить, на какую из этих различных, лежащих в основе закона необходимостей он опирается, и обозначить ее особым наименованием (как я это потом предложу). Надеюсь, что от этого выиграют ясность и определенность философствования, а наибольшую, достигаемую точным определением значения каждого выражения понятность я считаю в философии требованием безусловно необходимым, чтобы предотвратить заблуждения и умышленный обман и сделать каждое полученное в области философии познание прочным достоянием, которое уже не может быть нами утрачено из-за открытого впоследствии недоразумения или двусмысленности. И вообще, истинный философ будет всюду искать свет и ясность и стремиться уподобиться не мутному стремительному потоку, а швейцарскому озеру, которое благодаря своему спокойствию обладает при большой глубине большой прозрачностью,— и именно эта прозрачность позволяет видеть его глубину. *La clarté est la bonne foi des philosophes* ⁶,— сказал Вовенарг. Напротив, мнимый философ постарается скрыть за словами не свои мысли, как советовал Талейран, а свой недостаток в них и сочтет, что непонятность его философемы, вытекающей из неясности собственного мышления,— на совести читателя. Этим объясняется, что в некоторых произве-

дениях, например у Шеллинга, дидактический тон так часто переходит в ругательный и нередко читателям даже заранее выговаривают в предвосхищении их неспособности.

§ 4. Важность закона достаточного основания

Этот закон чрезвычайно важен, так как его можно назвать основой всех наук. *Наука* ведь означает *систему* знаний, т. е. совокупность связанных знаний в противоположность простому их агрегату. Но что же, если не закон достаточного основания, соединяет члены системы? Ведь науку отличает от агрегата то, что знания следуют в нем одно из другого как из своего основания. Поэтому Платон сказал: *etiam opiniones verae non multi pretii sunt, donec qui illas ratiocinatione a causis ducta liget* (Мено, р. 385. Вир.)⁷. К тому же почти во всех науках содержится знание причин, по которым может быть определено действие, а также другие знания о необходимости следствий из оснований, как мы увидим в нашем дальнейшем рассмотрении этого вопроса. Аристотель уже выразил его в следующих словах: *omnis intellectualis scientia, sive aliquo modo intellectu participans, circa causas et principia est*⁸. И так как наше всегда а priori сделанное предположение, что все имеет свое основание, дает нам право везде предлагать вопрос почему, то «почему» можно назвать матерью всех наук.

§ 5. Самый закон

В дальнейшем будет показано, что закон достаточного основания — общее выражение ряда а priori данных познаний. Но предварительно его необходимо выразить в какой-нибудь формуле. Я выбираю формулу Вольфа как наиболее общую: *Nihil est sine ratione cur potius sit* (Ничто не существует без основания того, почему оно есть).

Вторая глава

ОБЗОР ГЛАВНОГО, СКАЗАННОГО ДО СИХ ПОР
О ЗАКОНЕ ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ§ 6. Первое установление закона
и различие двух его значений

Для каждого исконного закона познания очень рано должно было быть найдено более или менее точное определение его абстрактного выражения, поэтому трудно, да и не особенно интересно, установить, где оно впервые встречается. Платон и Аристотель еще не устанавливают его по всей форме как главный основной закон, но часто говорят о нем как о самоочевидной истине. Так, Платон с наивностью, которая относится к критическим исследованиям нового времени, как состояние невинности к состоянию после познания добра и зла, говорит: *necesse est, quaecumque fiunt, per aliquam causam fieri: quomodo enim absque ea fierent?* (Phileb, p. 240. Bip.)⁹, и затем в «Тимее»: *quidquid gignitur, ex aliqua causa necessario gignitur: sine causa enim oriri quidquam, impossibile est*¹⁰. Плутарх в конце своей книги «De fato» приводит в числе главных основоположений стоиков следующее: *maxime id primum esse videbitur nihil fieri sine causa, sed omnia causis antegressis*¹¹. Аристотель в *Analyt. post. I, 2* в известной степени устанавливает закон достаточного основания, говоря: *scire autem putamus unamquamque rem simpliciter, quum putamus causam cognoscere, propter quam res est, ejusque rei causam esse, nec posse eam aliter se habere*¹². В «Метафизике», кн. 4, гл. 1, он дает уже классификацию различных видов оснований, или, скорее, начал, *αρχαι*; их он устанавливает восемь; эта классификация недостаточно основательна и недостаточно строга. Однако он совершенно правильно говорит: *omnibus igitur principiis commune est, esse primum, unde aut est, aut fit, aut cognoscitur*¹³. В следующей главе он различает отдельные виды причин, хотя несколько поверхностно и в то же время путано. Но лучше, чем здесь, он устанавливает четыре вида оснований в *Analyt. post. II, 11*: *causae autem quatuor sunt: una quae explicat quid res sit; altera quam, si quaedam sint, necesse est esse; tertia, quae quid primum movit; quarta id, cujus gratia*¹⁴. Отсюда пошло принятое всеми схоластиками деление *causarum* на *causas materiales, formales, efficientes et finales*, что можно обнаружить и в *Suarii disputationibus metaphysicis*, в этом подлинном компендии схоластики (*disp. 12, sect. 2 et 3*)¹⁵. Впрочем, даже Гоббс (*De corpore, p. 2, cap. 10, § 7*) приводит это деление и поясняет его. Это деление мы еще раз и несколько более подробно встречаем у Аристотеля, а именно в «Метафизике» I, 3. Кратко оно приведено также в книге «*De somno et vigilia*», *cap. 2*¹⁶; что же касается в высшей степени важного

различия между основанием познания и причиной, то Аристотель обнаруживает известное понимание этого, поскольку в *Analyt. post.* I, 13 он подробно объясняет, что знание и доказательство того, что нечто существует, очень отличается от знания и доказательства того, почему оно существует: то, что он приводит вторым, — познание причины, то, что он приводит первым, — основание познания. Но полного понимания этого различия он все-таки не достигает; в противном случае он бы установил и рассмотрел ее и в других своих работах, чего он не делает. Ибо даже там, где он, как в приведенных здесь местах, задается целью различить отдельные виды оснований, ему больше не приходит на ум установленное в названной главе столь существенное различие; к тому же он пользуется словом *αἰτιον* для обозначения всякого основания, каким бы оно ни было, именуется часто *αἰτιας* даже основание познания, более того, даже посылки силлогизма: так, например, *Metaph.*, IV, 18; *Rhet.* II, 21; *De plantis* I, p. 816 (ed. Berol.)¹⁷, особенно *Analyt. post.* I, 2, где посылки силлогизма прямо называются *αἰτια τοῦ συμπιρασματος*¹⁸. Однако если два родственные понятия обозначают одним и тем же словом, это служит признаком того, что их различие не понято или, во всяком случае, твердо не установлено: ибо случайная омонимия различных вещей — нечто в корне отличное от понимания. Эта ошибка прежде всего бросается в глаза в изложении Аристотелем софизма *non causae ut causa*, *παρα το μὴ αἰτιον ὡς αἰτιον* в книге «*De sophisticis elenchis*», с. 5¹⁹. Под *αἰτιον* он здесь понимает только основу доказательства, посылки, следовательно, основание познания, так как данный софизм состоит в следующем: нечто совершенно правильно показано как невозможное, однако это несколько не влияет на опровергаемое этим положение, которое все-таки считают этим опровергнутым. Таким образом, о физических причинах здесь нет и речи. Но употребление слова *αἰτιον* оказало столь сильное воздействие на логиков нового времени, что все они, придерживаясь его, объявляют в своих изложениях *fallaciam extra dictionem*, считают *fallacium non causae ut causa*²⁰ указанием на физическую причину, чего на самом деле нет. Так полагают, например, Реймарус, Г. Е. Шульце, Фриз и все, с которым я ознакомился; только в «*Логике*» Твестена я нашел правильное изложение этого софизма. Также и в других научных трудах и диспутах введение ложной причины обозначается как *fallacia non causae ut causa*.

Такое обычное у древних смешение логического закона основания познания с трансцендентальным физическим законом причины и действия мы встречаем и у *Секста Эмпирика*. Так, в девятой книге его «*Adversus mathematicos*», следовательно, в книге «*Adv. physicos*»²¹, § 204, он берется доказать закон причинности и говорит: «Отрицающий существование причины (*αἰτια*) либо не имеет причины

(απρσ) утверждать это, либо имеет ее. В первом случае его утверждение не более истинно, чем противоположное ему; во втором случае он своим утверждением показывает, что причины существуют».

Мы видим, таким образом, что древние авторы еще не различали ясно между требованием основания познания для обоснования суждения и требованием причины для какого-либо реального события. Что же касается схоластиков, то для них закон причинности был не нуждающейся ни в каком доказательстве аксиомой: *non inquirimus an causa sit, quia nihil est per se notius*, говорит Суарес (*disp. 12, sect. 1*)²². При этом они держались приведенного выше аристотелевского деления причин; однако, насколько мне известно, и они еще не осознали необходимости того деления, о котором здесь идет речь.

§ 7. Декарт

Даже наш замечательный Декарт, инициатор субъективного рассмотрения и тем самым отец новой философии, подвержен еще в этом отношении труднообъяснимым смещениям, и мы сейчас увидим, к каким серьезным и достойным сожаления последствиям это привело в метафизике. В «*Meditationes de prima philosophia (responsio ad secundas objectiones)*», *axioma 1*, он говорит: *Nulla res existit, de qua non possit quaeri, quatenam sit causa, cur existat. Hoc enim de ipso Dei quaeri potest, non quod indigeat ulla causa, ut existat, sed quia ipsa ejus naturae immensitas est causa, sive ratio, propter quam nulla causa indiget, ad exis tendum*²³. Декарт должен был бы сказать: безмерность Бога есть основание знания, из которого следует, что Бог не нуждается в причине, но он смешивает то и другое, из чего следует, что он не ясно сознавал громадное различие между причиной и основанием познания. По существу говоря, его намерение внесло ошибку в его понимание. Именно там, где закон каузальности требует *причины*, он заменяет ее *основанием познания*, так как оно не ведет сразу дальше, как причина; и таким образом с помощью этой аксиомы он пролагает себе путь к *онтологическому доказательству бытия Божия*, которое в действительности изобрел он, после того как *Ансельм* дал только общие указания. Ибо сразу же после аксиом, среди которых приведенная здесь занимает первое место, это онтологическое доказательство устанавливается по всей форме и совершенно серьезно: ведь, в сущности, оно в той аксиоме уже выражено или, во всяком случае, столь же сформировано, как цыпленок в насиженном яйце. Следовательно, если все другие вещи нуждаются для того, чтобы существовать, в причине, то Богу, возведенному по лестнице космологического доказательства, достаточно вместо нее заключенной в его собственном понятии *immensitas*, или, гласит само доказательство: *in conceptu entis summe perfecti*